

Буяров Дмитрий Владимирович

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИНЬЦЗЯНА В 1931-1934 ГОДАХ

Статья посвящена рассмотрению событий, происходивших в Синьцзяне в первой половине 1930-х гг. и связанных с национально-освободительным движением коренных народов региона. Особое внимание уделено вооруженной борьбе уйгуров и дунган (хуэйцзу) с китайским правительством. В работе рассматриваются причины и предпосылки движения и факторы его поражения. Национальное движение народов Синьцзяна в 1930-е гг. проходило в условиях обострения этнополитических и этносоциальных противоречий и имело большое значение как в истории Китая, так и в сфере региональных международных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 25-27. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

WOMAN AS SUBJECT OF MYSTERIOUS PRACTICES IN BEFORE-KOLKHOZ SOVIET VILLAGE OF THE 1920S

Bochan Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Platov South Russian State Polytechnic University
bochan800@mai.ru

The article highlights the gender aspects of traditional magical practices. It considers the main causes of witchcraft, magic, sorcery appearance in the soviet before-kolkhoz village. The activity of sorceresses, witches and wise women is analyzed. By real-life examples the author reveals the attitude of the peasantry to the subjects of mysterious practices. The study concludes about the popularity of sorcery and witchcraft in the rural society of the 1920s.

Key words and phrases: sorceresses; witches; wise women; peasantry; village.

УДК 94+323.173

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению событий, происходивших в Синьцзяне в первой половине 1930-х гг. и связанных с национально-освободительным движением коренных народов региона. Особое внимание уделено вооруженной борьбе уйгуров и дунган (хуэйцзу) с китайским правительством. В работе рассматриваются причины и предпосылки движения и факторы его поражения. Национальное движение народов Синьцзяна в 1930-е гг. проходило в условиях обострения этнополитических и этносоциальных противоречий и имело большое значение как в истории Китая, так и в сфере региональных международных отношений.

Ключевые слова и фразы: Синьцзян; национальное движение; уйгуры; дунгане (хуэйцзу); ханьцы; Ходжа Нияз; Ма Чжунин.

Буяров Дмитрий Владимирович

Благовещенский государственный педагогический университет
byarov_d@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИНЬЦЗЯНА В 1931-1934 ГОДАХ[©]

Синьцзян, насильственно включенный в состав Цинской империи в середине XVIII в., продолжал оставаться очагом нестабильности и в последующее время. Ведущим фактором внутривосточного развития Синьцзяна на протяжении долгого времени являлось противостояние коренных народов и китайских властей, осуществлявших политику колонизации. Население региона всегда было многонациональным. Из более чем полутора десятка этносов выделялись основные: уйгуры, дунгане (хуэйцзу), казахи, киргизы, монголы. Для этих традиционных народов были характерны родственно-клановые, этнические и религиозные ценности, которые, как правило, не учитывались и нарушались ханьскими властями, что провоцировало периодические национально-освободительные движения в XIX – первой половине XX в.

В конце 1920-х гг. положение народов Синьцзяна ухудшается, что было обусловлено рядом факторов. Наблюдался резкий рост налогообложения в условиях беспредела дущюната. Ухудшалось положение большинства крестьянства, страдавшего не только от налогового бремени, но и терявшего лучшие земли, которые стали раздаваться ханьцам. Все это сопровождалось произволом китайской армии и нарушением национальных традиций мусульманского населения. Ситуация в Синьцзяне ухудшилась после убийства губернатора провинции Ян Цзэнсиня в 1928 г., поскольку новый губернатор – Цзинь Шужэнь начал проводить более интенсивную политику китаизации (ханизации). Командный состав армии и чиновники, среди которых были и представители коренных народов, стали заменяться ханьцами из Ганьсу. Был введен ряд государственных монополий, стала сворачиваться торговля с Центральной Азией, а также была спровоцирована инфляция [9, с. 356].

К факторам начала восстания следует отнести и политические шаги Цзинь Шужэня, которые вели к ухудшению социально-экономической обстановки. Так, в марте 1930 г. было упразднено Хамийское ханство, а на его территории было образовано два уезда, в которых ханьские войска стали осуществлять грабеж населения, при этом особенно страдали уйгуры [Там же, с. 357]. В результате начинают сплачиваться такие слои населения, как аристократия, духовенство, купечество, ремесленники и крестьяне.

Восстание началось в апреле 1931 г. Выступление в Хами было поддержано жителями Баркуля, Турфана и Гучена. Очень быстро во главе стихийного движения встали представители знати, среди которых выделялись Ходжа Нияз, офицер охраны умершего хамийского хана, а на тот момент управляющий хозяйством, и Юлбарс-хан, бывший хамийский советник [7, с. 430]. Они объединили под своим командованием уйгуров и казахов и обратились за помощью к бывшему военному правителю провинции Ганьсу генералу Ма Чжунину, командовавшему отрядами дунган.

Осенью 1931 г. Ма Чжунин вступил в Синьцзян и осадил Турфан и Хами, однако встретил отпор со стороны бывших белогвардейцев, находившихся на китайской службе. В результате наступления русских под командованием П. П. Папенгута и китайских войск повстанцы отступили: дунгане – в Ганьсу, а уйгуры, казахи и узбеки – в горы, где находились до лета 1932 г. [4, д. 91, л. 137]. Но это была лишь первая проба сил.

С начала восстания проявился фактор иностранных держав. Со стороны зарубежных сил стали осуществляться попытки использовать движение в своих целях. Это было характерно для Великобритании, Германии, Японии, Турции и других стран, которые преследовали свои интересы, но которых объединяло стремление противодействовать СССР [3, с. 453]. Япония, оккупировав Маньчжурию, стремилась распространить влияние и на северо-запад Китая, где были сильны сепаратистские настроения. Японцы, в частности председатель японского общества Красного Креста Низикава и член парламента Нисуэ, даже стали готовить съезд мусульман, на котором особое внимание должно было быть уделено китайскому Туркестану и «Союзу мусульман Дальнего Востока» [8, д. 879, л. 7]. Великобритании также было бы выгодно превратить Синьцзян в исламскую «Республику Туркестан» для создания стратегической зоны угрозы Советскому Союзу.

В свою очередь, Советскому правительству ситуация внутриполитической нестабильности в Синьцзяне была невыгодна. Во-первых, национально-освободительная борьба в регионе могла привести к усилению позиций англичан и японцев. Во-вторых, повстанческое движение могло повлиять на ситуацию в советских среднеазиатских республиках, где социально-политическое положение было непростым [2, с. 114]. В-третьих, у Советского правительства складывались относительно неплохие отношения с китайскими дубанями (губернаторами) провинции Ян Цзэнсинем, Цзинь Шужэнем и Шэн Шицаем, которые устраняли поочередно друг друга, но традиционно сотрудничали с СССР. Вполне естественно, что нестабильность, а тем более кардинальная смена власти в регионе была невыгодна Советскому Союзу.

Когда Цзинь Шужэнь, понимая, что у него недостаточно сил, обратился за помощью к СССР, Советское правительство согласилось перебросить в Синьцзян несколько тысяч китайских солдат, интернированных из Маньчжурии в Советский Союз. В ответ на это Чан Кайши сделал ставку на Ма Чжунина, назначив его официально командиром 36-й дунганской кавалерийской дивизии [10, р. 123].

В течение 1932 г. между правительственными войсками и отрядами повстанцев продолжались столкновения, но без переменного успеха. Боеспособность ханьских (китайских) войск была невысока, поэтому Цзинь Шужэнь опирался на отряды русских эмигрантов. Во время операции в районе г. Баркуль русские имели около двадцати столкновений с восставшими. Действия обеих сторон отличались особой жестокостью: уничтожались посеи, кишлаки и все население, включая стариков, женщин и детей [6, с. 148]. Бывшие белогвардейцы численно превосходили повстанцев, но Юлбарс-хан уклонялся от столкновений и отходил в горы в районе Богдаша. В это же время ханьские отряды потерпели поражение в одном из боев с Ходжой Ниязом, который чуть позже из стратегических соображений ушел в горы и присоединился к Юлбарсхану [8, д. 879, л. 25]. Засев в отдаленных кишлаках, они были готовы к дальнейшему сопротивлению, но задача китайских властей – ликвидировать восстание в Хами – оказалась выполненной. У повстанцев ощущался недостаток продовольствия, поскольку весь хлеб еще на корню был сожжен русскими и китайцами. При этом сдававшимся выдавали продовольствие, отменяли налоги, и это терпимое отношение действовало на беднейших из уйгурских повстанцев разлагающе [Там же, л. 27].

Ситуация вновь стала меняться после помощи восставшим со стороны Ма Чжунина, преследовавшего свои цели. В декабре 1932 г. из Ганьсу прибыл с небольшим отрядом дунган помощник Ма Чжунина – Ма Шиин с целью поднять восстание и создать в Синьцзяне дунганское государство с центром в Пичане. Параллельно Ма Шиин начал вести переговоры с уйгурским духовенством, имевшим огромное влияние на массы. В результате новое восстание вспыхнуло в Турфане и перекинулось в район Урумчи [Там же, л. 28].

Для возвращения Турфана был отправлен генерал Шен Шицай, объединивший свои силы с казаками. Город, бывший центром сопротивления, был достаточно быстро захвачен и отдан на разграбление, в котором приняло участие и местное ханьское население. Грабежи и погромы продолжались в течение месяца и отличались особой жестокостью со стороны ханьцев и русских по отношению к коренному населению – уйгурам и дунганам. Были зафиксированы случаи, когда повстанцев хоронили заживо [Там же, л. 62]. Для уйгурских повстанцев также были характерны проявления жестокости по отношению к «неверным», но ответные карательные меры со стороны бывших белогвардейцев и китайцев были непропорционально велики, что, в свою очередь, усиливало сопротивление. Тем более что г. Турфан был не единственным очагом восстания.

Еще 25 декабря 1932 г. началось восстание в Пичане под руководством крупного представителя духовенства Аглям-Ахуна и купца Максудахуна Мухитова. Первоначально их отряды осуществляли отдельные нападения на китайские соединения, а затем несколько тысяч повстанцев во главе с М. Мухитовым двинулись в направлении Аксу-Урумчи. Уже 9 января 1933 г. они подошли к Урумчи, а китайцы были вынуждены отступить и заняться подготовкой обороны города [1, п. 162, л. 2]. Урумчи находился в осаде с 12 января по 11 февраля 1933 г. Численность повстанцев составляла около 8 тысяч человек [8, д. 923, л. 24]. Периодически они штурмовали город, но последний штурм был отбит, а восставшие отброшены. Одновременно в конце января на Чугучакско-урумчинском тракте были разбиты войска Ма Чжунина, отступившего в Ганьсу.

Через полгода, оправившись от поражения, повстанцы вновь активизировали свою деятельность. В июне Ма Чжунин появился в Синьцзяне и начал наступление на Урумчи. В ходе упорных боев его войска были разбиты и отошли в район Пичана-Турфана. Однако это не означало поражения, и постепенно стороны склоняются к переговорам. По инициативе Ма Чжунина в Турфане начались переговоры

с представителями Шен Шицая. Примерно в это же время, в начале июня, стали вестись переговоры с Ходжей Ниязом, в результате которых он получил должность гражданского и военного правителя Кашгарского округа и предложил совместно с китайцами ликвидировать Ма Чжунина [Там же, д. 879, л. 86]. Таким образом, в среде восставших стал проявляться раскол. Переговоры Шен Шицая с Ма Чжунином ни к чему не привели, и последний продолжил боевые действия.

12 ноября 1933 г. в Кашгаре повстанцами было объявлено о создании Тюрко-Исламской республики Восточного Туркестана (ТИРВТ) [2, с. 128]. Премьер-министром стал Сабит Домулла, а президентом заочно был избран Ходжа Нияз. У республики появляется конституция, основывающаяся на принципах шариата, а во внешней политике ставка делается на Турцию и Великобританию [5, с. 131].

В этих условиях Советское правительство принимает решение почти открыто вмешаться в конфликт. В ноябре 1933 г. в Синьцзян для оказания помощи урумчинскому правительству (фактически не подчинявшемуся Гоминьдану и потому также представляющему интерес для Кремля) была переброшена так называемая «Алтайская добровольческая армия», сформированная из различных родов войск Красной армии. Командованию этой группировки должны были подчиняться бывшие белогвардейцы, которые получили советское финансирование и обещание амнистии [2, с. 130].

Советские и белогвардейские отряды действовали достаточно успешно, и Ма Чжунин, лишившийся поддержки Ходжи Нияза, был вынужден отступить на юг, где занял Кашгар и, по сути, ликвидировал ТИРВТ. Ходжа Нияз бежал в СССР, где подписал документы об официальной ликвидации ТИРВТ, и после этого вернулся в Синьцзян. С апреля 1934 г. части Красной армии начинают выводиться из Синьцзяна, а завершение подавления восстания было возложено на генерала Н. И. Бектеева. В ходе Марал-Баширской операции объединенные войска, состоящие из китайцев и русских, нанесли поражение войскам Ма Чжунина, а сам он с небольшой группой соратников 10 июля 1934 г. перешел на советскую территорию и был интернирован [Там же, с. 133]. С отходом Ходжи Нияза и Ма Чжунина от активной борьбы, по сути, завершаются боевые действия на территории Синьцзяна.

События 1931-1934 гг. в Синьцзяне были не просто эпизодическим восстанием. По ряду таких показателей, как цели и задачи, масштаб территории, численность и социальный состав участников, продолжительность процесса, они приобрели характер национального движения. Однако движение коренных народов Синьцзяна оказалось обреченным на поражение вследствие этнической разобщенности, несогласованности действий восставших, узости интересов лидеров повстанцев и, конечно же, внешнего вмешательства со стороны СССР. Внутриполитическая история Синьцзяна первой половины 1930-х гг. была представлена борьбой повстанцев с ханскими дубанями, попытками противодействовать политике Гоминьдана, сопротивлением белогвардейскому и советскому присутствию и, наконец, противоречиями между народами региона. В этой связи рассматриваемые события и сама провинция представляют исключительный интерес для дальнейших исследований, в том числе и с учетом актуальности проблемы сепаратизма для современного Китая.

Список литературы

1. **Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).** Ф. 8/08. Оп. 16.
2. **Бармин В. А.** Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: региональный фактор во внешней политике Советского Союза. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. 190 с.
3. **Воскресенский А. Д.** Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. 600 с.
4. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 5873. Оп. 1.
5. **Кузнецов В. С.** Панисламизм в Китае // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1993. Ч. 1. С. 130-132.
6. **Наземцева Е. Н.** Русская эмиграция в Синьцзяне (1920-1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013. 278 с.
7. **Петров В. И.** Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 528 с.
8. **Российский государственный военный архив (РГВА).** Ф. 25895. Оп. 1.
9. **Усов В. Н.** Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. 486 с.
10. **Andreev D. W.** Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911-1949. Cambridge, 1986. 376 p.

NATIONAL MOVEMENT OF INDIGENOUS PEOPLES OF XINJIANG IN 1931-1934

Buyarov Dmitrii Vladimirovich
Blagoveshchensk State Pedagogical University
buyarov_d@mail.ru

The article is devoted to events that took place in Xinjiang in the first half of the 1930s and connected with the national liberation movement of the indigenous peoples in the region. Special attention is paid to the armed struggle of the Uyghurs and the Dungans (Hui) with the Chinese government. The work deals with the causes and premises of the movement and the factors of its defeat. The national movement of the peoples of Xinjiang in the 1930s took place in the conditions of the worsening of ethno-political and ethno-social contradictions and was of great importance both in the history of China and in the sphere of regional international relations.

Key words and phrases: Xinjiang; national movement; the Uyghurs; the Dungans (the Hui people); the Han Chinese; Hoja Niyaz Haji; Ma Zhongying.